

Сюичи Сугиура

О ПРАВОВОЙ МЫСЛИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА И П. И. НОВГОРОДЦЕВА

В работе указываются различия в философско-теоретических построениях Б. Н. Чичерина, лидера российского либерализма середины XIX столетия, и П. И. Новгородцева, игравшего аналогичную роль в начале XX в. Утверждается, что именно это определило разницу в их отношении к российской религиозной философии и мистицизму. Как Чичерин, так и Новгородцев пытались синтезировать философские идеи Канта и Гегеля, однако они вкладывали различный смысл в понятие «философия». Для Чичерина философия была средством научного познания. Чичерин допускал только два таких средства: опыт и умозрение, – третьего варианта для него не существовало. Мистицизм, который он критикует, – это немецкий мистицизм, согласно представителям которого существует третье средство познания – «интеллектуальная интуиция», и учение Владимира Соловьева. Для Новгородцева философия была не средством познания мира, а процессом самоутверждения, поэтому она предполагала не познавательные, а этические действия. В «Я» обнаруживается начало абсолютной истины и правды, т. е. абсолют. Именно такое подчеркивание «Я» было характерно для западноевропейской философии второй половины XIX в., которую можно назвать «Я-философией». Указанные особенности философских взглядов Чичерина стали одной из причин его изолированности в российском философском сообществе, в то время как Новгородцеву удалось вписать свои идеи в русло активно развивавшейся религиозной философии.

Ключевые слова: российский либерализм, религиозная философия, мистицизм, Кант, Гегель, Соловьев, научное познание, этическое действие.

In this paper, the differences in the philosophical and theoretical constructions between Boris Chicherin, leader of Russian liberalism in the mid-19th century, and Pavel Novgorodtsev, who played the similar role at the beginning of the 20th century are shown. It is asserted that these differences determined the diversity in their attitude to the Russian religious philosophy and mysticism. Both Russian thinkers, Chicherin and Novgorodtsev, tried to combine in their theories some philosophical ideas of Kant and Hegel, but they understood the concept of philosophy differently. For Chicherin, philosophy was a means of scientific knowledge. Chicherin believed there were only two such means: experience and speculation, – there was no other option for him. Mysticism, which he criticized, is the German mysticism (German mystics claimed that there existed another means of philosophical cognition – “intellectual intuition”), and the doctrine of Vladimir Solovyov. For Novgorodtsev philosophy was not a means of knowing the world, but a process of self-affirmation, therefore it implied ethical rather than cognitive activities. It is in “I” where we can find the source of absolute truth and justice, that is, the absolute. This underlining “I” was characteristic of Western philosophy in the second half of the 19th century, which can be called “I-philosophy”. The peculiarities of Chicherin’s philosophical views mentioned above became one of the reasons of his isolation in the Russian philosophical community, while Novgorodtsev managed to fit his ideas into the mainstream of Russian religious philosophy.

Keywords: Russian liberalism, religious philosophy, mysticism, Kant, Hegel, Solovyov, scientific knowledge, ethical activity.

Различие философских воззрений Б. Н. Чичерина и П. И. Новгородцева является показательным в том смысле, что оно отражает кардинальный поворот в понимании проблематики и статуса философии, произошедший в конце XIX в. как в России, так и на Западе.

Когда Чичерин умер в 1904 г., Н. А. Бердяев написал некролог [4, с. 210], в котором провозгласил, что будущее принадлежит социализму и мистицизму, т. е. тем идеям, которые были чужды Чичерину. Подобное мнение высказал о Чичерине и Е. Н. Трубецкой: «Резкость суждений Бориса Николаевича о его современниках и почти о всем современном объясняется его духовным одиночеством. Гегельянец в конце XIX столетия, он казался человеком с другой планеты, единственным представителем традиций сороковых годов в восьмидесятые и девяностые годы. Всем течениям жизни и мысли, которые в то время боролись вокруг него, он был одинаково чужд. О современном ему позитивизме он говорил совершенно справедливо: “Что нужно для того, чтобы быть позитивистом? Достаточно не знать философии”. О Соловьевском мистицизме он говорил, что это “уничтожение науки”. В то же время в искусстве царствовал или тот же мистицизм в лице Достоевского, или реализм типа Золя, характеризовавшийся для Чичерина его любимым выражением: “остается развести руками”. В политике опять-таки две чуждые ему противоположности: или безумно реакционное течение “эпигонов славянофильства”, Каткова и компании, или столь же безумный левый социалистический радикализм... Правда, посредине были либеральные течения: но и они были чужды Борису Николаевичу во первых потому, что они были более или менее связаны с позитивизмом, и во вторых потому, что они шли на те или другие компромиссы с социалистическими началами. Чичерину хотелось того чистого либерализма безо всяких амальгам, которого в России не было» [7, с. 120].

Что такое социализм и мистицизм, которые были чужды Чичерину? О социализме нетрудно ответить. Чичерин, лидер русского либерализма эпохи великих реформ, остро осуждал оппозиционеров, таких как А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. По мере того, как он усиливал критику русского царизма, он начал настаивать на необходимости конституционного строя. Но его негативная оценка социализма совсем не изменилась до конца жизни. Он признавал только лишь равенство перед законом, и всякое расши-

рение понятия «равенство», например до «материального равенства», объявлялось безусловно ложным.

П. И. Новгородцев, руководитель правого крыла кадетов, тоже сильно осуждал социалистов, но считал расширение понятия «равенство» необходимым и желательным. Он писал: «От государства требуется не только устранение юридических препятствий к развитию свободы, но и доставление материальной возможности для наилучшего проявления свободы» [6, с. 301]. Новгородцев выступал за «право на достойное человеческое существование». В этом смысле он считал отчасти справедливыми требования социалистов. Как отмечал А. Валицкий в работе «Философия права русского либерализма» [3], это было развитие от классического либерализма Чичерина к новому либерализму Новгородцева.

Но что значит мистицизм, бывший чуждым Чичерину? Мне кажется, в различии отношения обоих либералов к мистицизму отражались происшедшие в России и на Западе в течение второй половины XIX в. изменения философских направлений.

«Самый крупный гегельянец XIX века в России» [2], по выражению Д. И. Чижевского, Чичерин постепенно дополнял свое гегельянство кантианством. Кстати, философия Чичерина была грандиозной системой диалектики. Причем его диалектика была составлена не из трех, а из четырех моментов. Это приближало его к метафизике Аристотеля. Философия Чичерина была системой диалектики, охватывавшей весь мир, начиная с истории человечества и заканчивая движением атомов, и характеризовавшейся четырьмя моментами. Согласно Чичерину, «диалектическое движение мысли включает в себе четыре главных определения: первоначальное единство, которое в непосредственной слитности содержит в себе два противоположных начала, общее и частное, затем обе противоположности в их отвлечениях, то есть отвлеченно-общее и чисто-частное, наконец, высшее, или конечное, единство обоих» [9, с. 62]. Очевидно, это не диалектика Гегеля, характеризующаяся тремя моментами. Эта поправка, внесенная Чичериним в диалектику, коренным образом изменяла содержание гегельянства и приближала его к метафизике Аристотеля. Это доказывает следующее изложение диалектики: «Эти логические определения служат разуму основанием для объединения познаваемых им явлений. В приложении к внешнему бытию они обозначаются названием начал, или причин, действующих в мире. Каждое из них

представляет известную форму единства, к которому разум сводит разнообразие явлений. Таким образом, первоначальное единство становится основой всего сущего, или *причиною производящею*, ибо из нее происходит все остальное. Как само по себе сущее, оно называется бытием, как постоянно пребывающее в изменениях своих признаков – *субстанциию*, как производящее начало – *силою*. Здесь выделяющиеся из первоначального единства противоположности определяются как *материя* и *форма*: материей мы называем начало частное, дробное, раздельное, формою же, напротив, начало отвлеченно общее, которым связывается частное. Наконец, высшее единство обоих представляется как *причина конечная*; она составляет цель развития, а как начало, согласующее противоположности, она называется *идеєю*» [9, с. 62]. Причина производящая, материя, форма и причина конечная – это термины метафизики Аристотеля, мало того, каждая из четырех причин может становиться начальным пунктом движения. Это уже не диалектика гегельянства, а теория четырех причин Аристотеля.

И для Новгородцева, провозгласившего «возрождение естественного права», кантианство, дополненное гегельянством, было вершиной естественного права. Первый дополнял кантианством гегельянство, второй дополнял гегельянством кантианство. Но это только внешняя похожесть. Характер их философии был принципиально различным. Признавая отличие своей мысли от взглядов Чичерина, Новгородцев высоко ценил его научные достижения: «Для того, чтобы подтвердить плодотворность и важность философского исследования идей, достаточно сослаться на некоторые классические работы в этой области; и если иметь в виду собственно политические теории, то я назвал бы на первом месте две книги: “Историю политических учений” Б. Н. Чичерина и сочинение Гирке о развитии естественного права» [5, с. 24].

Для Чичерина философия была средством научного познания: «Повсюду начинает проявляться стремление к объединению знания: и в естественных науках, и в области наук общественных. Исследование частных не удовлетворит пытливости человеческого ума и еще менее может удовлетворить высшим потребностям человеческой души. Разум по своей природе стремится к единству, а жизнь требует от науки руководящих начал... Но опытное знание не в состоянии исполнить подобной задачи... Предстоящая современному поколению задача может быть совер-

шена не опытом, а единственно философией» [8, с. 4–5]. В другой работе, в которой более систематически изложено значение философии, говорится: «Метафизика представляет развитие логических определений на основании логических законов; она вся держится на логике... Логика есть первая и основная наука, дающая закон всем остальным. И эта наука может быть исследована совершенно точным и достоверным образом, ибо предмет ее дается непосредственным самосознанием мысли» [10, с. 3].

Чичерин допускал только два средства познания: первое – опыт, второе, или высшее, – умозрение, законы которого должны выясняться философией. Третьего средства, например умственной интуиции, не существует: «Познание предмета в его бытии для другого дается опытом, познание же внутренней действительности предмета раскрывается с помощью умозрения, которое, опираясь на законы разума, сводит разнообразие внешней действительности к единству внутренней природы. Двум сторонам предмета соответствуют, таким образом, две формы познания. Для третьей нет места ни в объекте, ни в субъекте» [8, с. 20].

Мистицизм, осуждаемый Чичериным, предполагал, во-первых, именно такое третье средство познания, а во-вторых, пантеизм, который отождествляет Бога с миром: «Бог же внешний миру именно вследствие того, что он находится вне мира, допускает его существование с собою. В этом весьма легко убедиться, сравнивши пантеистические воззрения с деизмом как в религиозной области, так и в философской. Где признается большая самостоятельность отдельных существ, в христианском ли мирозерцании, исповедующем Бога отдельного от мира, или в индийском пантеизме, сливающим их в одно? То же самое мы видим и в философских системах. Пантеизм Спинозы или Шопенгауэра ведет к полному поглощению отдельных существ, которые понимаются только как явления единой субстанции, или даже просто как призраки, между тем как в деизме Лейбница отдельные существа сохраняют свою самостоятельность» [8, с. 84].

Для Новгородцева философия была не средством научного познания, а нравственным обоснованием юридических явлений. В связи с этим он писал: «Центр естественно-правовой доктрины заключался вовсе не в ее взгляде на происхождение права, а в вопросе о возможности нравственного суда над ним. Таким образом, интерес при исследовании идей естественно-права должен быть

переставлен от вопроса об условиях правообразования к проблеме о самостоятельном значении нравственной оценки явлений» [5, с. 1]. Согласно Новгородцеву, Кант впервые дал удовлетворительное обоснование автономности морали, поэтому «нет ничего удивительного, если современная мысль в разрешении вопроса о самостоятельном значении нравственной точки зрения обращается к Канту» [5, с. 2].

Как известно, проблема отношения философии к научному познанию была кардинальным вопросом и в неокантианстве. Но в рамках этой статьи я не буду затрагивать этот вопрос, равно как и вопрос об отношении Новгородцева к неокантианству. Дело в том, что для Новгородцева философия была не научным познанием, а этическим руководством. В лекции о Канте он отмечал, что «критика теоретического разума заканчивается констатированием в нашем сознании идеалов и стремлений, которым нет удовлетворения в теоретической области... Познание здесь кончается, но начинается новая деятельность разума. Те стремления, которых не в силах удовлетворить теоретический разум, порождены иными запросами духа, и сфера их применения другая – не теоретическая, а практическая, не научная, а нравственная. Наука есть лишь одно из частных проявлений нашего духа; указав ее пределы и обнаружив стремление духа выйти за эти пределы, мы этим самым утверждаем, что жизнь духа шире и полнее научного познания» [5, с. 80–81].

Именно в этом была существенная разница философских концепций этих двух мыслителей. Для Чичерина философия была средством миропознания и, конечно же, самопознания. Для него это тождество обеспечивалось тем фактом, что одни и те же законы действуют и в мире, и в сознании людей. В этом смысле эти две сферы принадлежат одному измерению, вне которого и сверх которого существует божественная сфера. Но для Новгородцева философия не была средством познания мира, а была средством только самопознания. Несомненно, и он признавал объективность и универсальный критерий истины, но для него «так называемая объективность познания есть не что иное, как всеобщая субъективность» [5, с. 79].

Для Новгородцева, так же как и для Чичерина, мистицизм, который признает третье средство познания, был совершенно чужд. В этом смысле он не мистик. Но поскольку он признал в са-

мосознании, в своем «Я», иное, особенное измерение, отличное от научного познания, постольку он искал в своем «Я» абсолютное начало истины и правды, которое категорически предписывает, что делать дозволено, а что – нет. Это означает, что в смысле признания абсолюта в своем «Я» Новгородцева можно назвать мистиком.

Итак, эволюция русской философии права от Чичерина до Новгородцева характеризуется прежде всего двумя моментами: акцентированием своего «Я» и попыткой найти решение всех философских проблем в самосознании. Этими же моментами характеризуется и развитие философии в целом на рубеже XIX–XX вв. Неогегельянец Р. Кронель в книге, вышедшей в 1921 г., писал: «Нам надо провести границу между философией Канта и всеми философскими учениями до Канта и объединить последние в “без-Я философию” (Ich-lose Philosophie). Вся разница между рационализмом и эмпиризмом, между идеализмом и реализмом и т. д., в конце концов, исчезает перед разницей между “Я философией” и “без-Я философией”, или перед коренной разницей между “Я философией” и просто “познающей-мир философией”. Даже когда пытались познавать Бога, начиная с Платона и Аристотеля и заканчивая их последователями вплоть до Средних веков и даже до Нового времени, то понимали его исключительно как одну субстанцию без самосознания, как существующую идею. Вместо того, чтобы искать Бога в глубине самосознания, перенесли его в мир и, более того, еще и “вне мира” старались определить Божие место. Но Кант впервые решительно и блестяще поставил самосознание против всего, что не является таковым, и поднял его до высоты философского начала» [1, с. 50]. Книга Кронера была издана в 1921 г., и она отражала направление философских поисков эпохи, в которую жил и действовал Новгородцев, но которая была чужда Чичерину.

Литература

1. *Kroner R. Von Kant Bis Hegel. Bd. 1: Von Der Vernunftkritik Zur Naturphilosophie. Tübingen, 1921.*
2. *Tschzewskij D. Hegel Bei Den Slawen. Gebundene Ausgabe, 1961.*
3. *Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987.*
4. *Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. СПб., 1907.*
5. *Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901.*

6. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Избранные труды. М., 2010.
7. *Трубецкой Е.Н.* Воспоминания. София, 1952.
8. *Чичерин Б.Н.* Мистицизм в науке. М., 1880.
9. *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1901.
10. *Чичерин Б.Н.* Основания логики и метафизики. М., 1894.

Sugiura, Shyuichi. *On the legal thought of B. N. Chicherin and P. I. Novgorodtsev*

References

1. Kroner R. *Von Kant Bis Hegel. Bd. 1: Von Der Vernunftkritik Zur Naturphilosophie.* Tübingen, 1921.
2. Tschzewskij D. *Hegel Bei Den Slawen.* Gebundene Ausgabe, 1961.
3. Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism.* Oxford, 1987.
4. Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis.* St. Petersburg, 1907.
5. Novgorodcev P. *Kant i Gegel' v ih ucheniyah o prave i gosudarstve* [Kant and Hegel in their teachings on law and state], Moscow, 1901.
6. Novgorodcev P.I. *Vvedenie v filosofiyyu prava. Krizis sovremennogo pravozoznaniya. Izbrannyye trudy* [Introduction to the philosophy of law. Crisis of the modern sense of justice. Selected works], Moscow, 2010.
7. Trubeckoj E.N. *Vospominaniya* [Memories], Sofia, 1952.
8. Chicherin B.N. *Misticizm v nauke* [Mysticism in science], Moscow, 1880.
9. Chicherin B.N. *Nauka i religiya* [Science and religion], Moscow, 1901.
10. Chicherin B.N. *Osnovaniya logiki i metafiziki* [The foundations of logic and metaphysics], Moscow, 1894.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.6>